

должна стать системная работа по его цифровой модернизации, которая, к сожалению, не может быть осуществлена только за счет привычных точечных корректив уголовно-процессуального законодательства. Проводимые мероприятия должны быть нацелены на сокращение разрыва между уровнем развития современных технологий и уголовно-процессуальным законом и практикой его применения.

Библиографический список

1. Lessons learnt and challenges faced by the judiciary during and after the COVID-19 pandemic: European commission for the efficiency of justice (CEPEJ). Ad hoc virtual CEPEJ plenary meeting Wednesday 10 June 2020. Official site of the Council of Europe. Available at: https://www.coe.int/ru/web/portal/-/how-should-judges-respond-to-covid-19-challenges-and-what-lessons-should-they-learn?fbclid=iwar2rhvr8l-o9oxddpofodwu0_gnihh1viieabmturo-uzkz64s_xjxrj6q (Date accessed: 01.10.2020).

2. Качалова, О.В., Цветков, Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. – 2015. – № 2 (106). – С. 95-101.

3. Клеандров, М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15-25.

4. Масленникова, Л.Н., Сушина, Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6 (115). – С. 214-224. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.214-224.

5. Марковичева, Е.В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации // Российское правосудие. – 2017. – № 3 (131). – С. 88-95.

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЦИФРОВОМ РЕСУРСЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В.В. Марчук

*директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент*

Потребность в цифровизации уголовного закона приобретает в настоящее время актуальное значение в связи с внедрением в практику цифровых технологий: электронного следствия, электронного правосудия [1–6] и, особенно, системы оцифровки уголовных дел [7–9].

Если кратко сформулировать процесс цифровизации в законодательстве, то его суть, как мне представляется, заключается в приведении текста соответствующего нормативного правового акта в такой формат, который бы

создавал для специалистов в области программирования возможность машинной обработки для дальнейшего его использования в соответствующей компьютерной программе.

Главным направлением в этом процессе, разумеется, является подготовка правоведами правовых алгоритмов (этапов, инструкций), позволяющих формализовать правовые тексты в соответствующие компьютерные матрицы. Вместе с тем, важное значение в прописывании указанных алгоритмов имеет существующая юридическая техника, в частности, техника конструирования составов преступлений в соответствующих нормах Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Правильное использование этой техники, а в определенных случаях и ее совершенствование, создает предпосылки для адаптации соответствующей уголовно-правовой нормы в русло цифрового ресурса.

В настоящее время в статьях Особенной части действующего УК не наблюдается единства в конструировании квалифицированных составов преступлений в случаях, когда в соответствующей норме указывается на несколько квалифицирующих признаков.

Обозначение арабскими цифрами соответствующих квалифицирующих признаков («индексация») использована в Особенной части УК только в шести нормах: части 2 статьи 139, части 2 статьи 147, части 2 статьи 181, части 2 статьи 181-1, части 2 статьи 182, части 2 статьи 291. При этом анализ норм Особенной части УК показывает, что критерий введения цифровых обозначений для соответствующей группы квалифицирующих обстоятельств не имеет логического объяснения. Первоначально при конструировании статей Особенной части УК 1999 г. белорусский законодатель использовал цифровое обозначение квалифицирующих обстоятельств только в тех случаях, когда в соответствующей части статьи УК указывалось на семь и более квалифицирующих признаков. Потом предел множественности обстоятельств, необходимых для «индексации», был снижен до шести. В 2008 г. УК был дополнен статьей 181-1, в которой была установлена ответственность за использование рабского труда. Часть 2 данной статьи содержит шесть квалифицирующих признаков, четко определенных соответствующими цифровыми обозначениями. Однако в системе происходящих изменений в УК этот подход не был последовательным. За год до введения в УК статьи 181-1 были внесены изменения в часть 3 статьи 328 УК, в соответствии с которыми квалифицированный состав незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров стал характеризоваться также шестью альтернативными квалифицирующими признаками, а с 2015 года – семью признаками. Однако указанные квалифицирующие признаки не были выделены («индексированы») арабскими цифрами со скобкой. Непонятно, почему при наличии большого количества квалифицирующих признаков использованы разные приемы законодательной техники при конструировании нормы. Кроме того, во многих рассматриваемых статьях УК помимо

квалифицирующих признаков, предусмотрены особо квалифицирующие обстоятельства (часть 3 статьи 147, часть 3 статьи 181, часть 3 статьи 181-1, часть 3 статьи 182, часть 3 статьи 291). Их количество меньше (три или четыре признака). По форме изложения такие нормы вызывают достаточно странное восприятие. Так в части 2 статьи 181-1 УК – шесть квалифицирующих признаков «оцифрованы», но в части 3 этой же статьи указано на четыре особо квалифицирующих обстоятельства, описанных по правилам сложносочиненного предложения с разделительными союзами.

Использование или неиспользование цифрового обозначения квалифицирующих признаков предопределяет разные подходы в квалификации преступления, если его совершение было сопряжено с наличием нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных одной частью соответствующей статьи. К примеру, ч. 2 ст. 147 УК предусматривает десять квалифицирующих признаков умышленного причинения тяжкого телесного повреждения. Не исключена ситуация, когда совершение этого преступления будет сопряжено со всеми десятью квалифицирующими обстоятельствами. Событие, в таком случае, мы будем квалифицировать по пп. 1-10 ч. 2 ст. 147 УК. Но если при наличии тех же квалифицирующих обстоятельств умышленное причинение тяжкого телесного повреждения будет совершено, например, повторно и в отношении двух потерпевших (особо квалифицирующие признаки), то преступление будет квалифицировано по ч. 3 ст. 147 УК. Почему при наличии нескольких квалифицирующих обстоятельств формула квалификации требует предельной точности, а при установлении двух и более особо квалифицирующих обстоятельств (курс. автора) они не находят четкого обозначения в квалификации преступления? Указание в приведенном примере только на часть третью ст. 147 УК смазывает формулу квалификации преступления. Уголовно-правовая оценка в таком случае является неполной, неопределенной, порождает неясность в объеме и содержании нарушенного запрета.

Кроме того, исключение из обвинения одного из квалифицирующих признаков, вмененных необоснованно на стадии предварительного расследования, не влечет никаких изменений в формуле квалификации преступления. Согласно ч. 4 ст. 301 УПК Республики Беларусь государственный обвинитель вправе исключить из обвинения отдельные пункты. При этом составления нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого не требуется. В таких случаях формула квалификации внешне остается неизменной (если не происходит переквалификации на ту часть статьи, которая предусматривает менее тяжкое по степени общественной опасности обстоятельство), хотя объем обвинения реально сужается. Получается, что при наличии одной и той же квалификации преступления объем обвинения в суде может меняться. При этом могут быть существенно нарушены права обвиняемого. Можно ли такое состояние дел признавать нормальным? Почему существующие подходы к формуле квалификации в

таких случаях позволяют скрывать ошибки и недочеты правоприменительной деятельности? Представляется, что основные пределы и объем обвинения должны предопределяться формулой квалификации совершенного преступления. И изменение обвинения должно влечь корректировку формулы квалификации преступления. Во всяком случае, соответствующее нормативное предписание, в статье УК, должно находить адекватное отражение в формуле квалификации преступления.

В уголовных кодексах государств-участников СНГ квалифицирующие признаки проиндексированы. При этом в одних странах применяются буквенные обозначения – используются буквы латинского или русского алфавита со скобкой (уголовные кодексы Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Туркменистан, Республики Узбекистан), в других – цифровые обозначения (уголовные кодексы Республики Азербайджан, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан).

В целях единого подхода в оформлении и изложении нормативного материала в УК, а также обеспечения точности и полноты формулы квалификации преступления, представляется, следует внести корректировки на предмет цифрового обозначения квалифицирующих признаков, если в соответствующей части статьи УК предусмотрено два и более квалифицирующих признака: необходимо выделить эти признаки в отдельные пункты соответствующей части статьи УК с обозначением их арабскими цифрами со скобкой.

В рамках работы межведомственной рабочей группы по совершенствованию норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, созданной во исполнение подпункта 2.3 пункта 2 протокола поручений Главы государства от 7 июля 2020 г. № 23, данное предложение нашло поддержку со стороны доминирующего большинства заинтересованных государственных органов и учреждений (Следственного комитета, Комитета государственной безопасности, Комитета государственного контроля, Министерства внутренних дел, Министерства обороны, Академии Министерства внутренних дел, Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры и учреждений юстиции БГУ, Института Национальной безопасности и др.).

Реализация предложенного законодательного приема позволит обеспечить системный подход в использовании юридической техники конструирования квалифицированных составов преступлений, что создает предпосылки для обеспечения точности и полноты формулы квалификации преступления, а также условия для машинной обработки программистами нормы с квалифицирующими признаками.

Библиографический список

1. Лебедев, С.Я., Джафарли, В.Ф. Цифровизация уголовно-правового ресурса – неизбежная перспектива инновационно-технологического обеспечения криминологической безопасности в эпоху 6-го технологического уклада // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 91–97.
2. Рагимов, И.М., Аликперов, И. М. «Электронные весы правосудия» (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. – 2019. – № 3. – С. 8–14.
3. Турышев, А.А. Цифровизация уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 97–100.
4. Голенко, Д.В. О трансформации уголовного законодательства России в связи с развитием цифровых технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 107–111.
5. Малько, А.В. Приоритеты российской правовой политики и изменения права в условиях цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 5–19.
6. Кучине, Я.О. Уголовное право и цифровизация общественных отношений: об отражении процессов цифровизации в УК РФ и науке уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 130–135.
7. Каланча, И.Г. Алгоритм электронного уголовного производства // Вестник Академии правоохранительных органов. – 2018. – № 4 (10). – С. 47.– 52.
8. Масленникова, Л.Н., Собенин, А.А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 12–16.
9. Саргсян, Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения // Предвар. расследование. – 2017. – № 2. – С. 73–75.